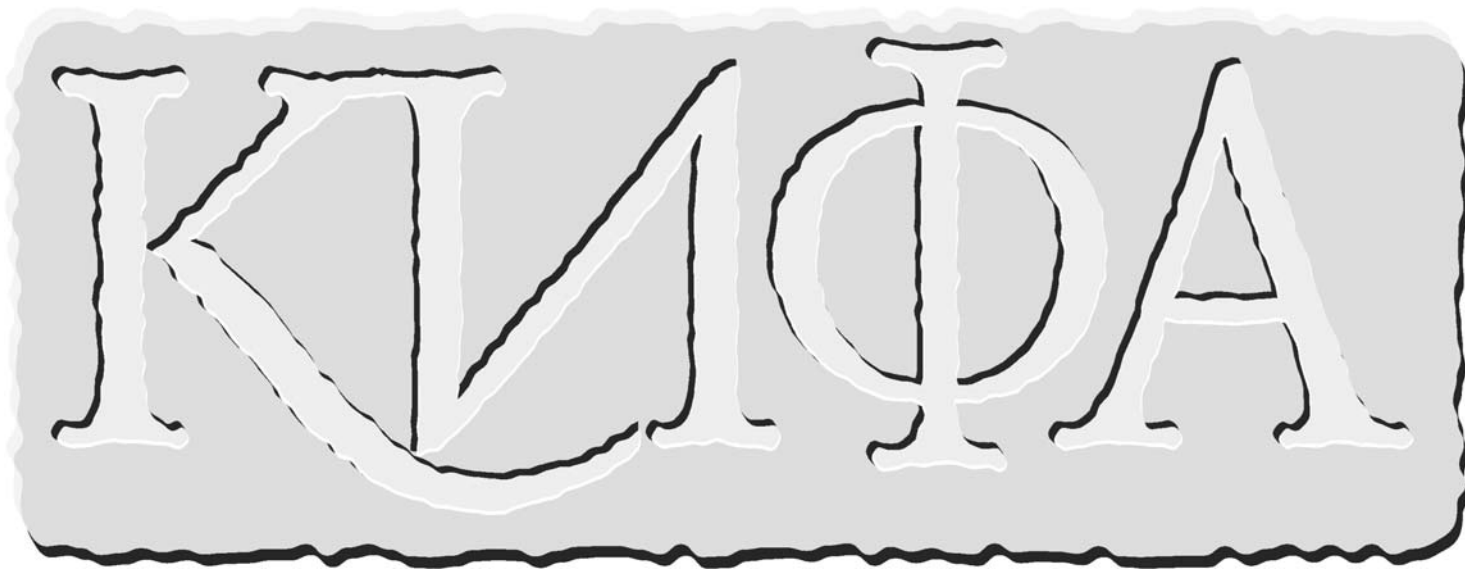

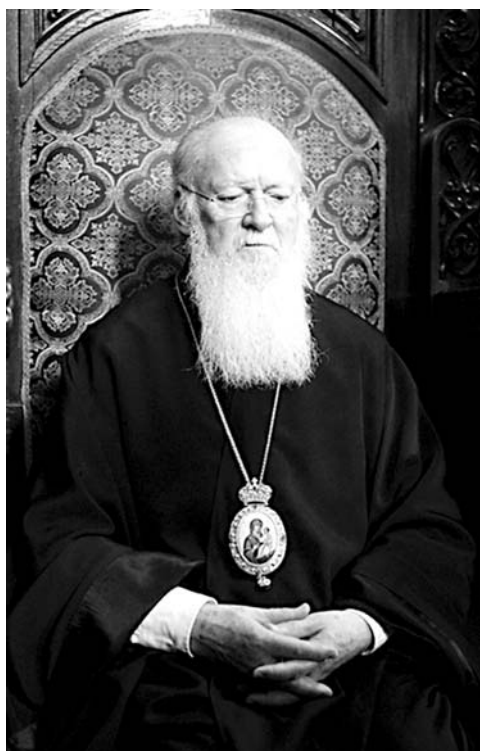

8⁽¹¹⁴⁾

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

ИЮНЬ
2010

в газете использованы
материалы сайтов sfi.ru и psmb.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

На литургии в Троице-Сергиевой лавре

ПАТРИАРХ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ВАРФОЛОМЕЙ НАМЕРЕН УСКОРИТЬ СОЗЫВ ВСЕПРАВОСЛАВНОГО СОБОРА

Патриарх Константинопольский Варфоломей считает необходимым не откладывать созыв Всеправославного Собора с участием всех Поместных Православных Церквей.

«Мы приняли решение ускорить процесс созыва Святого и Великого Собора всех Православных Церквей», — сказал патриарх Варфоломей в интервью по итогам визита в Россию и переговоров с патриархом Московским и всея Руси Кириллом, данным телеканалу «Вести-24» 30 мая в Константиновском дворце в Стрельне под Петербургом.

Он назвал созыв Собора одной из главных задач для Константинопольской церкви и выразил мнение, что Собор и его итоги «будут иметь величайшее значение для всего православного мира».

Патриарх Варфоломей подчеркнул, что выступает за организацию Собора с самого момента своего избрания на патриарший престол.

По его словам, повестка дня мероприятия «уже определена и известна всему православному сообществу»: она включает в себя десять тем, в том числе принципы провозглашения автокефалии или автономии Православных церквей, проблемы поста, ряд вопросов, связанных с диптихом (порядком упоминания Церквей во время богослужения).

«Наша Православная церковь постоянно старается идти в ногу со временем, ничем не жертвуя из своего учения, но реагируя при этом на веяния времени, помогая верующим справляться с современной действительностью», — заявил патриарх Варфоломей.

Собор должен будет разрешить вопросы, накопившиеся за столетия, прошедшие со времени последнего, Седьмого, Вселенского Собора и требующие общецерковного решения.

Окончание на с. 2

В номере:

Церковь наша должна снова стать церковью свидетельствующей

Мы продолжаем публиковать интервью с участниками конференции «Традиция святоотеческой катехизации: пути возрождения»

С. 4–5

Взлетая над страхом

Воспоминания о войне: чего мы ищем, оборачиваясь назад в дни этого далекого не самого «круглого» юбилея?

С. 6

Суд продолжается...

Трагедия советских военнопленных до сих пор остается темой неудобной для всенародного торжества в юбилейные дни Победы. Но без этой страницы истории, без правдивого слова о войне и Победа превращается в пропагандистский гляцевый плакат

С. 7

В ходе этих встреч складывалась система оглашения

О. Георгий Кочетков рассказывает о катехизации на приходе о. Аркадия Шатова

С. 8

В приложении «Миссионерское обозрение» — подробный рассказ о новом сборнике «Велика жатва, а работников мало»

МЫ СЛУЖИМ БОГУ, КОТОРЫЙ БОЛЬШЕ НАС

Интервью с диаконом Грегори Конли
(Американская православная церковь)

— Вы участвовали в конференции «Традиция святоотеческой катехизации: пути возрождения». Каково Ваше общее впечатление?

Диак. Грегори Конли, катехизатор при Св.-Серафимовском соборе г. Далласа: Мое впечатление — это впечатление человека, не принадлежащего к Русской церкви. И поскольку это так, то я не всегда могу понять изнутри то, что здесь происходит. Поэтому за эти прошедшие дни конференции мне было сложно оценить, насколько ценно все происходившее для тех, кто ищет внутреннего обновления Церкви. Я не вполне понимаю обсуждаемые проблемы, я только начинаю вникать в то, какие здесь могут быть задачи.

Но что я действительно увидел — это людей с общими целями и общим пониманием того, какой должна быть катехизация, очень близким к тому, что мы сами пытаемся осуществлять в нашем соборе в Далласе; тот же подход к собиранию людей в общины, — это именно то, чем мы занимались весь прошедший год. Сейчас мы как раз пытаемся понять, как должен выглядеть весь этот процесс в целом. Мы знали, что мы бы хотели видеть на выходе, но надо было определить, каким будет сам процесс.

Поэтому в целом для нас — для меня и Владимира, как американцев, приехавших сюда, — конференция дала возможность увидеть потенциал процесса катехизации, как все это можно делать, и найти много хороших идей относительно того,

как мы могли бы применять эти принципы у себя в Штатах.

— Что было наиболее интересным, что задело лично Вас?

Диак. Грегори Конли: Больше всего меня тронул сам дух христианского братства, проявлявшийся в отношениях со всеми, кого я здесь встречал: и с отцом Георгием, и с другими священниками, которые здесь были, и со всеми сотрудниками института, и с переводчиками, и с фотографиями — было настоящее чувство братства во Христе. Я думаю, это тронуло меня больше всего, я почувствовал себя в кругу братьев и сестер во Христе. Перед нами стоят разнообразные задачи — все то, о чем рассказывали отцы из Санкт-Петербурга, из разных сельских приходов, с Украины. И очень важно увидеть, что хотя наши проблемы выглядят по-разному, мы все ищем следования Христу и его заповеди «Идите, научите все народы».

— Каких плодов Вы ожидаете от этой конференции?

Диак. Грегори Конли: Я отвечу сначала в общем, а затем скажу что-то о наших планах в соборе прп. Серафима. Я думаю, основное ощущение от конференции — это вдохновение продолжать двигаться вперед в катехизации и в понимании того, что нам, как христианам, действительно необходимо приводить людей к общинной жизни.

Что касается нашего собора прп. Серафима в Далласе, я думаю, мы теперь поняли, как можно целостную программу катехизации распределить по этапам, как при-

Фото Александра Волкова

Диак. Грегори Конли и Наталья Кольцова (переводчик) на конференции «Традиция святоотеческой катехизации»

водить людей и как проводить их через этапы катехизации, чтобы довести их туда, куда они стремятся. Нам удалось найти очень конкретное понимание того, когда и что должно происходить в процессе катехизации: когда люди переходят в разряд просвещаемых, когда они могут креститься или миропомазываться и входить в таинственную жизнь Церкви. Нам удалось разобраться с тем, когда все это должно происходить, но кроме того, был очень ценен совет о. Георгия относительно того, с какого этапа человек может начинать оглашение, в зависимости от его прежнего опыта. Дело в том, что многие из тех, кто приходит к нам в собор, получили основательное протестантское воспитание. Это люди, которые были христианами — причем серьезными христианами — в течение многих лет, но они ищут большего, они ищут полноты веры. Они чувствуют, что чего-то им не хватает, иначе бы они к нам не пришли. Они знают, что в вере есть что-то большее. С какого момента начинать оглашение для них? И вот на эту тему о. Георгий дал нам очень конкретные рекомендации.

Окончание на с. 2

Патриарх
Константинопольский
Варфоломей
намерен ускорить
созыв
Всеправославного
Собора

Окончание. Начало на с. 1

Начало подготовки к Всеправославному Собору было положено на Всеправославном совещании на острове Родос, Греция, в 1961 году. В ходе этого совещания был составлен обширный каталог тем (свыше 100), требующих всеправославного обсуждения и согласования*. До Родосских совещаний 60-х годов Поместные православные церкви многие жизненно важные вопросы церковной жизни решали порознь, и назревшая необходимость совместного всеправославного решения этих вопросов привела к идее созыва достаточно полномочного в каноническом отношении всеправославного форума, который по предварительному всеправославному согласованию было определено назвать «Святым и Великим Собором Восточной Православной Церкви» в отличие от Святых Вселенских Соборов, собиравшихся в эпоху до разделения Западной и Восточной церквей.

В 1968 году Всеправославное совещание в Шамбези обсудило процедуру подготовки к Собору и решило осуществлять ее посредством работ Всеправославных предсоборных совещаний и Межправославной подготовительной комиссии.

На данный момент состоялось в общей сложности 4 Всеправославных предсоборных совещания: в 1976 г. (на основе Родосского каталога составило новый каталог из 10 тем, первоначально важных для Православия); в 1982 г. (приняло решения по каноническим темам церковной жизни: препятствия к церковному браку; значение поста и соблюдение его сегодня; календарный вопрос); в 1986 г. (приняло решения по темам внешнецерковной деятельности: отношение Православной Церкви к прочему христианскому миру; Православная Церковь и экуменическое движение; вклад Православной Церкви в торжество мира, справедливости, свободы, братства и любви между народами и устранение расовой и прочих дискриминаций); в 2009 г. (обсудило проблемы канонического обустройства православной диаспоры). Прошло и 6 межправославных подготовительных комиссий (Женева, 1971; Шамбези, 1986; 1990; 1993; 1999 и 2009).

Длительный перерыв в созыве совещаний и в работе подготовительных комиссий был вызван осложнением в межправославных отношениях из-за возникших разногласий между Московским и Константинопольским патриархатами по вопросу церковного устройства в Эстонии. Встреча представителей и представителей Православных церквей в октябре 2008 года в Стамбуле сделала возможным возобновление межправославного сотрудничества в подготовке Собора.

по материалам сайтов mospat.ru,
седмица.ru и РИА-Новости

* В сентябре 2003 г. митрополит Минский и Слуцкий Филарет в своем интервью нашей газете вспоминал:

«Митрополитом Никодимом (Ротовым) была проведена большая богословская работа по подготовке списка вопросов на Всеправославное совещание. Тогда было выработано 112 вопросов. Каждая церковь должна была дать по ним ответ. И вот наша церковь, одна из первых, а может быть, и единственная, я так подозреваю, дала ответы — свое видение всех этих 112 проблем. Потом список этих вопросов, конечно, сократился, сейчас вообще осталось сначала, кажется, десять, а потом всего четыре вопроса, по которым мы должны встретиться и с которых должны начаться серьезные межправославные отношения: это вопрос диаспоры, вопрос автокефалии, автономии, диптихов. Вот по этим вопросам мы с Греческой церковью никак не можем сойти с мертвой точки... Мы надеемся, что что-то изменится и мы вновь вернемся к тем межправославным конференциям, которые были».

МЫ СЛУЖИМ БОГУ, КОТОРЫЙ БОЛЬШЕ НАС

Интервью с диаконом Грегори Конли (Американская православная церковь)

Окончание. Начало на с. 1

— Не могли бы Вы рассказать о своем личном опыте прихода в Православие?

Диак. Грегори Конли: Об этом можно долго рассказывать. Я пришел ко Христу и к вере еще в подростковом возрасте, но в Православие пришел только на пятом десятке. Так что это длинная история, но я всё же не буду вам описывать каждый год и все, чем я занимался. Вы уже знаете, что я был рукоположенным служителем в баптистской церкви, и мое первое образование богословское. Я учился в баптистской высшей школе и получил степень бакалавра теологии. И с этого момента я начал работать в баптистских церквях в качестве служителя.

Степень бакалавра я получил в 21 год. В этом возрасте я работал с молодежью в церквях, где было много служителей, и я был одним из них. Мы вместе с женой работали с молодыми людьми. Затем я стал старшим пастором в церкви. Но мне хотелось продолжать мое образование, потому что мне нужно было докопаться до сути.

У меня были вопросы о вере, и я не мог найти ответов. И мне казалось, что стоит только мне еще подучиться, то я смогу найти все нужные ответы. В итоге я оказался в Далласе, штат Техас, где поступил в магистратуру и собирался даже в докторантуру. Изначально я стремился к тому, чтобы преподавать теологию. И думаю, что стремление это возникло как раз из желания иметь все ответы, все выяснить для себя. И так, я несколько лет занимался, пытался все выяснить, но оказалось, как мне часто приходится повторять, что копаться в протестантской вере — это все равно, что копать яму в песке. Все время все осыпается. В сухом песке очень сложно вырыть яму, потому что стен нет, и чем глубже ты копаешь, тем больше тебя самого засыпает. Я не мог найти твердого основания. И я понял, что таким образом я не смогу найти ответов.

У меня была жена и двое детей, мне нужно было их содержать. И поэтому я стал офицером полиции. Просто услышал, что в полиции есть вакансии, мне была нужна работа, и я подумал, что мог бы это делать. В Америке офицер полиции — это очень уважаемая профессия, поэтому у меня не было трудностей с тем, чтобы этим заняться. В христианстве есть представление о правде и неправде, о добре и зле и о том, что нужно отстаивать добро и противостоять злу. Это вполне можно отнести к американской полиции: представления о правде и неправде, о необходимости отстаивать то, что справедливо и добро, и бороться против несправедливости и зла. Это вполне вписывается в такой менталитет. Поэтому с работой в полиции для меня все сложилось удачно.

Я продолжал активно участвовать в жизни протестантских церквей, хотя уже не в числе официальных служителей или пасторов, но все же был очень активен. Я постоянно преподавал в воскресной школе или еще что-то делал, работал с молодежью. Мы с женой посещали несколько разных типов протестантских церквей, не только баптистские. Это были разного рода евангелические церкви. Некоторые из них ориентировались на лекционный формат, собрания проходили в семинарской форме — изучение Библии. Некоторые больше тяготели к развлечению: ты заходишь, кругом все поют песни, воздевают руки, в зале есть телевизионные экраны, иногда бывают небольшие театрализованные постановки. Это своего рода развлечение. Одно время я посещал церковь, в которой все строилось вокруг музыки. Музыка была отличная: были и гитары, и ударные — настоящее шоу. Но это не было похоже на церковь.

Была одна популярная среди протестантов песня, в ней такие слова: «No matter what it's all about, it's all about you, Jesus. (Что бы все это ни значило, все это о Тебе, Иисус)». И вот ансамбль на сцене поет эту песню, все собрание — наверное, больше тысячи человек — все машут руками. И я обернулся к моей жене и сказал: «Нет, это не так. Это все о нас. Все, что мы здесь делаем — это либо лекция, либо развлечение, либо концерт. Где же служение Богу? Где же эта предельная сосредоточенность на служении нашему Господу Иисусу Христу?» И ещё: «Здесь нет тайны. Все можно понять. Если все можно понять и думать, что все уже зна-

ешь, то значит, мой Бог не такой уж и большой, если Он может весь поместиться в моей голове». И я сказал: «Я больше так не могу».

После службы мы с друзьями пошли вместе в ресторан пообедать, и я рассказал им о том, что меня беспокоило. Я спросил моего друга: «Разве тебе не хочется ощущения тайны, не хочется почувствовать, что мы служим Богу, Который больше нас, Которого мы не понимаем, но Который любит нас настолько, что входит в нашу жизнь?» Он на меня посмотрел и сказал: «Нет». А я сказал: «А мне хочется».

Тогда я стал усерднее изучать богословие. Я думал: я не знаю, что мне делать. Куда мне идти? Сюда я не вписываюсь. Чего-то не хватает в моей жизни. Что-то я упускаю. И что-то я упускаю в самом христианстве.

В протестантском мире так часто пытаются вернуться ко времени ранней Церкви. Но что ранняя Церковь делала? У меня

пойти не мог. Тогда я начал исследовать Православную церковь.

Я впервые пришел в православный храм на Пятидесятницу. Я даже не знал, что это была Пятидесятница, потому что в баптистской церкви у нас нет представления о годичных богослужебных кругах. Нам это как-то не важно. И в Библии этого нет...

Так вот, была Пятидесятница, а как вы знаете, в этот день, если ты пришел в храм на утреню и после нее простоял всю Божественную литургию, то потом идет еще вечерня! Я, конечно, не знал ни одной из этих служб — знал только, что я более трех часов простоял в церкви на молитве, да еще и коленопреклоненно — во время вечерни. Но в этот момент я уже понял, что именно здесь я и должен быть, что именно здесь есть свидетельство Святого Духа, которое я искал. И что действительно Евхаристия была для нас Телом и Кровью Христа.

Пятидесятница. Фреска в Св.-Серафимовском соборе г. Далласа. Иконописец Владимир Григоренко

за плечами было, по меньшей мере, шесть лет богословского образования, а я никогда не читал отцов Церкви. Я о них слышал, слышал их имена, но на самом деле, я ничего не знал о том, что они писали. Поэтому я решил снова приняться за чтение и начал читать мужей Апостольских. Кроме того, я начал читать книги о протестантах из евангелических церквей, которые решили перейти в Англиканскую церковь или в Римско-Католическую, а некоторые даже в Православную.

Я думал: где же Истина? Где же апостольская Церковь, та Церковь, которую основал Иисус Христос со Своими апостолами? Это только идея в голове или все же реальность, существующая на протяжении всей истории? Ведь протестантский мир начал свое существование только в XVI веке, а баптисты появились только в начале XVII века в Англии (некоторые путают баптистов с анабаптистами, но собственно баптисты появились в Англии только в начале XVII века). И я подумал: неужели мы все поняли только спустя 1600 лет? Что происходило с Церковью все это время?

Я продолжал все больше читать и находил так много свидетельств, что Церковь Иисуса Христа, которую Он Сам основал и обещал, что врата ада не одолеют ее, — что она до сих пор существует.

Это оставило мне всего две возможности: либо становиться католиком, либо православным. Я пришел к выводу, что существует только такой выбор, потому что пока я читал — Климента Римского, Игнатия Антиохийского, Иустина Мученика — я начал понимать, что те церкви, которые я посещал, совершенно не похожи на ту истинную Церковь, которую Христос основал. Я увидел, что в той Церкви верили, что Евхаристия — это Тело и Кровь Христовы. И что все их богослужение строилось вокруг этого, это были евхаристические общины, что было и частью их общения друг с другом. И что мы действительно соединены друг с другом каким-то существенным образом. И что эти учения более верны Писанию, чем что-либо, что мне доводилось слышать у протестантов.

Обратившись к Римской католической церкви, я понял, что в ней есть такие вещи, в которые я не могу верить. Этим путем я

Я хочу добавить еще одну вещь. Я мог бы еще очень много рассказывать, но скажу только одно. Я столько учился, и вся моя семья, в конце концов, тоже перешла в православие — и моя жена, и дети, и даже мои взрослые дети. Но перед всем этим был еще один момент, через который, я думаю, Господь меня привел к тому, что я искал. Однажды мы зашли в Англиканскую церковь. А в Англиканской, или Епископальной, церкви — в Америке, по крайней мере, — любой может подойти к причастию. Вас ни о чем не спросят, им не важно. Я даже не знаю, имеет ли значение, веришь ли ты хоть во что-нибудь — все равно можешь подходить. Со мной была моя дочь, которая прежде посещала одну из епископальных церквей. И когда подошло время причастия, она мне сказала: «Ты можешь подойти?». И женщина рядом: «Конечно, давайте, подходите».

Я вышел вперед, мы встали на колени. Священник подошел ко мне. А у них сначала дают Хлеб, а затем Чашу. И когда дают Хлеб, священник говорит: «Тело Христова, преломленное за вас». А когда дают Чашу, говорит: «Кровь Христова, пролитая за вас». И в этот момент Господь дал мне свидетельство того, что это действительно правда: вот Тело Христова, преломленное за нас, и Кровь Христова, пролитая за нас. И как Христос говорит в Евангелии от Иоанна: «Если вы не едите плоти Сына Человеческого и не пьете Его крови, не имеете жизни в себе» (Ин 6:53*). И я понял, что это свидетельство верно.

Я не стал членом Англиканской церкви из-за их внутренних проблем, но я понял, что в этот момент произошло то, чего я искал. И именно Православная Церковь, в которой по сей день сохранилось такое понимание причастия, оказалась той апостольской церковью, которую основал Иисус, которую никогда не одолевали врата ада, и спустя почти две тысячи лет она все еще существует. У нас есть свои проблемы, свои трудности, но непрерывное свидетельство Духа Святого через Его Церковь по сей день здесь.

Перевод Ольги Хегай
Продолжение в следующих номерах

* перевод еп. Кассиана (Безобразова)

ПАТРИАРХ КИРИЛЛ ВОЗГЛАВИЛ ОЧЕРЕДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СВЯЩЕННОГО СИНОДА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Заседание Священного Синода РПЦ под председательством патриарха Кирилла состоялось в Санкт-Петербурге 31 мая. В третий раз местом его проведения стало историческое здание Святейшего правительствующего Синода.

Члены Синода подвели итоги визита патриарха Константинопольского Варфоломея в Россию, который стал важной вехой в укреплении межправославного единства и братских связей между двумя Церквями.

Синод создал комиссию по взаимодействию РПЦ с музейным сообществом, в которую будут приглашены представители крупнейших музеев России. Задача комиссии — создать систему церковно-государственной экспертизы и контроля за сохранением, восстановлением и использованием памятников церковного искусства. «В последнее время велась широкая дискуссия по поводу охраны памятников, и данный шаг — прямой ответ Церкви музейному сообществу для решения возникших проблем», — так прокомментировал это решение на брифинге председатель синодального информационного отдела РПЦ Владимир Легойда.

НА МОСКОВСКОМ ПОДВОРЬЕ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ СОСТОЯЛОСЬ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ МЕЖСОБОРНОГО ПРИСУТСТВИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ЦЕРКОВНОЙ МИССИИ

18 мая 2010 года на московском подворье Троице-Сергиевой лавры состоялось второе заседание комиссии по организации церковной миссии Межсоборного присутствия Русской православной церкви. Заседание возглавил председатель комиссии архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий.

Первое заседание комиссии состоялось 23 марта 2010 г. На нем из списка тем, предложенных президиумом Межсоборного присутствия для рассмотрения комиссией по организации церковной миссии, были выбраны две: о катехизации перед Таинствами и о формах организации работы с молодежью. Обсуждение этих вопросов, а также ряда других продолжилось на втором

процесс возвращения религиозной собственности начался еще в 90-е годы, но недостаточно совершенное законодательство не позволяло его упорядочить. Сейчас в России рассматривается законопроект «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения», который предполагает закрепление за общинами объектов как в безвозмездное пользование, так и в полную собственность.

Одобрено предложение Центра национальной славы России по строительству и освящению в нескольких епархиях храмов в честь святого благоверного великого князя Александра Невского. «Три храма возведут в Южно-Сахалинске, Калининграде и в Ставропольской епархии, а четвертый будет восстановлен на Соловках — им станет придел Александра Невского в Троицкой церкви на острове Анзер», — сообщил журналистам Владимир Легойда. «Храмы будут иметь статус патриаршего подворья», — уточнил он.

На заседании Синода Предстоятель отметил важность проведения Дней славянской письменности и культуры и

предложил впредь проводить празднования во всех епархиях РПЦ.

Синод принял ряд кадровых назначений. Известный московский священник протоиерей Аркадий Шатов станет епископом с титулом Орехово-Зуевский. Он вдовец, много лет руководит Свято-Димитриевским училищем сестер милосердия, а недавно назначен руководителем синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению. Архиепископ Пензенский и Кузнецкий Филарет отправлен на покой по состоянию здоровья. Епископ Люберецкий Вениамин освобожден от обязанностей наместника московского Николо-Угreshского монастыря и возглавит Пензенскую епархию. Архимандрит Геннадий (Гоголев) из Костромы станет архиереем в Казахстане. Настоятель Трехсвятительского храма в Париже игумен Нестор (Сиротенко) будет возведен в сан епископа.

Синод принял новые уставы отдела по благотворительности и социальному служению, а также двух новообразованных отделов по тюремному служению и казачеству.

«Более сложная ситуация возникла по вопросу об организации работы с молодежью. На следующем заседании мы продолжим обсуждение этого вопроса», — продолжил архиерей.

Отвечая на вопрос телекомпании «Образ» о том, сформировалась ли уже методология работы комиссии, архиепископ Георгий сказал: «Несомненно, она сформировалась и успешно реализуется. У нас еще есть некоторые шероховатости, которые мы, я думаю, поправим. А в общем, надо сказать с уверенностью, что комиссия являлась собой хороший рабочий коллектив для выработки церковной позиции по вопросам, предложенным к рассмотрению».

По материалам сайта Патриархия.ru

В ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЕ ПРОШЛИ СЛУШАНИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И МУЗЕЕВ

Заседание началось с выступления руководителя юридической службы Московской патриархии инокини Ксении (Чернеги). Она охарактеризовала основные положения законопроекта, подчеркивая, что они отвечают требованиям европейских правовых стандартов и российского закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Юрист попыталась уморить экспертов, подчеркнув, что предметы из музейных фондов не будут передаваться в собственность религиозных организаций, а лишь в безвозмездное пользование, причем только в те условия, которые отвечают требованиям сохранности. Кроме того, уже имеющаяся практика подобной передачи предполагает, что за музеем сохраняется право на мониторинг состояния памятника, его реставрацию и получение страховки в случае утраты. Однако неожиданное заключение доклада свело на нет все предыдущие заявления: К. Чернега сообщила, что 8 мая 2010 г. был принят закон № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений». Согласно новой правовой норме, право музеев на «оперативное управление» памятниками из своих фондов, переданными в безвозмездное пользование религиозным организациям, прекратится, пояснила юрист в монашеском облачении и после своего доклада быстро удалилась из зала.

Упомянутая ею правовая коллизия и подобные ей противоречия в корпусе российских законов нашли отражение в заключении Общественной палаты, где отмечается необходимость провести экспертизу предлагаемого законопроекта «на предмет его гармонизации с действующим законодательством». Кроме того, автор резолюции, известный юрист, про-

фессор МГУ, член Общественной палаты Елена Лукьянова предложила вообще воздержаться от принятия данного закона и инкорпорировать предложенные в нем нормы в уже существующее законодательство.

Она утверждала, что время для принятия такого закона еще не настало, Церковь еще не готова принять и сохранить памятники культуры, а к длительной и скрупулезной разработке законопроекта необходимо привлечь экспертов — работников музеев, реставраторов, историков искусства.

Эти соображения, вкупе с тревожными прогнозами экспертов, вызвали возмущение протоиерея Всеволода Чаплина. «Нам опять предлагают ждать! Мы уже 20 лет ждем. Позор стране, которая 20 лет не возвращает то, что надо было сразу вернуть!» — воскликнул он. Священник утверждал, что «имущество», о котором идет речь, «к государству не имеет никакого отношения, что «нахождение храмов и икон в руках государства абсурдно», что необходимо исправить «чудовищное преступление большевиков». Он подчеркнул также, что мнение его оппонентов в Общественной палате не отражает точки зрения большинства населения России. О. Всеволод согласился, что «были случаи неправильного обращения с памятниками в Церкви», но парировал, что таковые имели место и в музеях. В связи с этим он предложил Общественной палате инициировать в 2010 г. проверку всех фондов московских музеев, а в следующие два года — региональных музеев с тем, чтобы сделать выводы о «доступности предметов религиозного содержания и о возможности поклонения верующими этим предметам». Далее руководитель Синодального отдела покинул зал заседаний.

Оставшиеся за круглым столом пред-

ставители РПЦ олицетворяли немногие положительные примеры сотрудничества Церкви и ученых в деле сохранения и изучения памятников. В защиту законопроекта высказался игумен Пахомий, который возглавляет специальный отдел по реставрации в Саратовской епархии, и архимандрит Иоанн — наместник костромского Ипатьевского монастыря и одновременно — директор церковно-исторического музея. Они настаивали на том, что противоречия между музейщиками и Церковью — «кажущиеся», соглашались, что Церковь еще не готова «все сразу забрать» (о. Пахомий), и упрекали музеи и органы охраны памятников в недостаточном профессионализме, что, по их мнению, и является основной причиной утраты художественных ценностей.

Их оппоненты, среди которых — директор Государственного Эрмитажа М. Пиотровский, гендиректор Музеев Московского Кремля Е. Гагарина, директор Музея древнерусской культуры им. Андрея Рублева Г. Попов, известные искусствоведы Л. Лифшиц, реставратор фресок и иконописи В. Сарабянов, специалист в области византийского и древнерусского искусства А. Лидов и другие настаивали на несвоевременности нового закона, на тех опасностях, которые он таит. Они подчеркивали также, что в отношении охраны памятников «не работает» уже действующее законодательство: например, за уничтожение исторического вида того или иного храма или иконы представители Церкви не привлекаются к должной ответственности.

По окончании круглого стола Алексей Лидов, директор Центра восточнохристианского искусства, отметил, что не теряет надежды на его продолжение.

По материалам информационного агентства «Благовест-инфо»

Протоиерей Павел Адельгейм подал апелляцию на решение Общецерковного суда

О. Павел Адельгейм, ставший 17 мая участником первого заседания Общецерковного суда, исполнил решение суда о примирении митр. Евсевия со свящ. Павлом Адельгеймом, а также обратился с апелляцией к Святейшему патриарху. Ниже мы публикуем выдержки из документов.

ПИСЬМО К МИТРОПОЛИТУ ПСКОВСКОМУ ЕВСЕВИЮ:

«Ваше Высокопреосвященство!

Поводом к моему смиренному письму послужило решение Общецерковного суда о взаимном примирении. Хочется надеяться, что долгожданное событие осуществится. Христос Спаситель призвал: «Мирись с соперником твоим скорее» (Мф.5, 25).

Примирение не означает отказ от своих принципов. Можно иметь разные взгляды и жить в мире. Примирение я понимаю как преодоление вражды и агрессии в сердце. Восемь лет между епископом и священником разорвано личное общение. Вы не отвечаете на мои письма, посылаемые к Вам лично. Несколько раз я исполнил Ваше требование попросить прощения за причиненные огорчения публично через СМИ, опубликовав свои просьбы о прощении в газетах. Моя просьба о прощении не означает признание за собой вины. Это просьба о примирении, ради которого можно, жертвуя своим самолюбием, сказать «прости меня». Мое стремление к примирению наталкивалось на стену непонимания. Меня просили не посещать епархиальные собрания и торжества, не попадаться Вам на глаза, не писать писем. Я был вынужден жить в изоляции. После снятия меня с настоятельства исчезла необходимость деловых отношений, а служебный подлог о. Сергия Иванова и судебное противостояние вовсе разделили нас, и всякая возможность общения утратилась. Год за годом угасала надежда на примирение.

17 мая 2010 года состоялся Общецерковный суд. Он принял решение нам с Вами примириться. Решение суда вынесено в специальное определение и оживило мою надежду на Ваше благое произволение. Примирение заповедует Христос, предлагают уважаемые нами иерархи, я тоже хочу примирения и отзываюсь на него своей совестью. Моё сердце готово забыть всяческие обиды и вместить Вас. Двери моего дома открыты так же, как и двери сердца. У меня нет ни секретаря, ни охраны.

К Вам не войти без Вашего соизволения. Остаётся ожидать с надеждой, что моё нынешнее обращение пробудит к примирению Ваше сердце, и Вы тоже отзовётесь пастырской любовью. Дай Бог нам всем взаимного прощения и примирения.

С любовью во Христе, свящ. Павел.
27 мая 2010 года, Псков».

ИЗ АПЕЛЛЯЦИИ

Ваше Святейшество! Полагаю, что решение Общецерковного суда РПЦ по моей жалобе является неправомерным и неканоничным по нижеследующим основаниям.

1. Моя жалоба подана в порядке ст.34, п.2 «Положения о церковном суде РПЦ МП» (далее — Положение) в соответствии с каноническим правилом: «Если кто принесёт на епископа некую собственную, то есть частную жалобу, как-то, в присвоении им имущества или в иной какой-либо потерпенной от него неправде: при таковом обвинении не принимать в рассуждение, ни лица обвинителя, ни веры его. Подобае бо всячески и совести епископа быть свободной, и объявляющему себя обиженным обрести правосудие (Втор.6, а также Карф.11, 28, 37, 139, 144).

Жалоба не была рассмотрена судом, и решение по ней не вынесено.

Суд отказался рассматривать жалобу на митр. Евсевия, а также восстановить порядок в Приходе, что является прямой задачей суда, согласно Положению, ст.2.

2. Из положения истца суд поставил меня в положение ответчика и осудил за клевету.

7. Суд осудил меня, не представив доказательства моей вины.

Прошу пересмотреть вынесенное Общецерковным судом решение, чтобы оно не сделалось основанием для принятия дальнейших административных мер, которые могут быть не только осуществлены, но истолкованы как расправа с жалобщиком на архиерея в пример всем прочим на будущее, чтобы боялись жаловаться. В заключение благодарю Общецерковный суд за рекомендацию, данную судом митрополиту Евсевию встретиться и примириться со священником, чтобы жить в духе христианской любви.

За прошедшие восемь лет мной написаны десятки писем Правящему Архиерею с просьбой о примирении. Они не возымели действия, и мои усилия в этом направлении исчерпаны. Буду счастлив, если просьба суда возымеет действие, и, наконец, мы примиримся.

**С любовью во Христе, свящ. Павел Адельгейм
19.05.2010 — 26.05.2010**

ЦЕРКОВЬ НАША ДОЛЖНА СНОВА СТАТЬ ЦЕРКОВЬЮ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩЕЙ

Интервью с участниками конференции «Традиция святоотеческой катехизации: пути возрождения»

Продолжение.

Начало в «Кифе» № 7 (113)

ВЫ УЧАСТВОВАЛИ В КОНФЕРЕНЦИИ «ТРАДИЦИЯ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ КАТЕХИЗАЦИИ: ПУТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ». КАКОВО ВАШЕ ОБЩЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ?

Прот. Василе Михок, профессор факультета теологии Университета им. Луциана Блага в Сибиу, вице-президент православного движения «Воинство Господне» (Румынская православная церковь): Общее впечатление — очень положительное, более чем очень положительное. Я очень рад быть здесь, потому что это интересное место, и здесь я чувствую себя как дома, потому что люди, которые посещают конференцию, — это люди веры, люди, чувствующие свою ответственность за церковную жизнь. И очень интересна тема конференции — катехизация. Это вопрос к церкви, и прежде всего к нам, к священникам. Как мы помогаем людям подготовиться к принятию крещения? Как мы помогаем им узнавать и понимать свою веру и жить этой верой? Это замечательно, и я рад быть здесь.

Прот. Евгений Горячев (Санкт-Петербургская епархия): Очень хорошее. Собственно говоря, я и знал, что оно будет таким, иначе бы не поехал. Ведь сколько конференций на эту тему уже собиралось с 1991 года, но, увы, все они оказывались какими-то «бесхребетными», и в итоговых заявлениях и, что печальнее, в дальнейшем практическом осуществлении. А конференция в стенах этого учреждения ценна тем, что здесь есть что показать и есть на что посмотреть, именно с точки зрения практической реализации заявленных в докладах идей. В Церкви, быть может, как нигде чувствуешь, что любая даже самая совершенная научно-исследовательская база почти ничего не стоит, если ее невозможно применить к современным христианским нуждам. По сути, занимаясь тем же самым, но только со значительно меньшей продуктивностью, я как бы вошел в чужой труд и ощутил, что мой опыт здесь узнают и принимают, несмотря на то, что я не достиг таких глобальных результатов, как Свято-Филаретовский институт.

Прот. Павел Адельгейм: Самое первое впечатление — благожелательная атмосфера. Приятно чувствовать себя в христианском обществе, где все друг к другу относятся с пониманием и уважением.

Прот. Александр Лаврин, преподаватель воскресной школы при храме иконы Божией Матери «Живоносный источник» (Москва): Можно отметить безусловную общую заинтересованность. Каждый «внутри» того, что обсуждается, это совершенно очевидно.

Свящ. Стефан Домусчи, сотрудник Миссионерского отдела Воронежской епархии: Впечатление очень хорошее, очень живая среда, но, к сожалению, так как я смог прослушать только два доклада, не удалось какие-то важные вещи до конца проговорить.

Свящ. Иоанн Привалов: Я не буду оригинален. Скажу, наверное, как многие участники, что у меня очень хорошие впечатления. И вообще все конференции, которые проводил на моей памяти Свято-Филаретовский институт, так же, как и конференции Преображенского братства, конечно, всегда поражают именно «воздухом», атмосферой творческой свободы. Здесь не боишься быть самим собой, не испытываешь никакого принуждения в плане того, нужно выступать или не нужно. Ты можешь выступать, можешь не выступать — как хочешь, и в то же время чувствуешь, что тебе хорошо быть здесь и ты здесь нужен. Это всегда пространство

Фото Дмитрия Писарева

О. Евгений Горячев, о. Игорь Кропочев, о. Димитрий Карпенко

знакомства, открытия новых людей или даже, может быть, людей, которых ты уже когда-то видел — но они открываются такой стороной, что удивляешься и благодаришь Господа Бога.

Что еще? Это действительно пространство обсуждения. Мне кажется, что конференция имеет церковно-историческое значение. Почему? Потому что двадцать лет идет разговор о том, нужна катехизация или не нужна, что такое оглашение, возможно это или невозможно. И вот впервые собрались не только представители Преображенского братства, связанного с отцом Георгием Кочетковым, не только продолжатели его дела, но люди из разных епархий, прежде всего священнослужители. И начался разговор. Конечно, видно, что тут поле непаханное совершенно. Одна из сложностей, проблем — разное понимание того, что такое катехизация. Если говорить с точки зрения свободы — это хорошо: у каждого есть свое видение. Но здесь есть своя опасность — опасность дилетантства. Мне кажется, что в некоторых случаях очень сильно осложняют продвижение вперед. Сейчас, говорят, очень большой запрос на катехизацию. Мне трудно судить, потому что я связан с катехизацией уже 17 лет, и мне немного трудно воспринять эту свежесть, понять, большой сейчас запрос или нет. Мне кажется, он всегда был и всегда есть. Но я боюсь, что дальше при большом запросе церкви на катехизацию, на то, что она нужна, может возникнуть вопрос, кто что под ней понимает. И над этим еще надо очень серьезно поработать. Ведь очень часто под катехизацией понимают, например, миссию. Ну ладно, это одна проблема. Иногда катехизацию раздвигают на всю жизнь человека. Ее можно сформулировать, например, так, как это сделал один из участников конференции — что это содействие воцерковлению человека. Слова замечательные. Мы вроде все понимаем, о чем идет речь, но ведь так ее можно понять и как задачу на всю жизнь, потому что перед человеком всю жизнь стоит задача воцерковления. Все-таки катехизация — это конкретная вещь. Есть миссия, есть катехизация, есть внутрицерковное учительство и ученичество, когда человек уже в церкви, уже не неопит. Здесь надо как раз сделать некое усилие и понять различие между ними. А главным фундаментом для этого является понимание святоотеческой традиции. Она не изучена или изучена очень отвлеченно, а главное — без личных выводов, без соотнесения с современной церковной жизнью. Формулировка темы — возрождение святоотеческой традиции катехизации — еще не до конца усвоена, воспринята. Пока под катехизацией очень многие люди понимают факультатив, который может быть, может не быть, но все считают, что хорошо бы, чтобы был.

Свящ. Игорь: Поскольку я занимаюсь катехизацией, то мне интересны все вопросы, которые здесь затрагивались. Мне интересно видеть людей, которых инте-

ресует эта тема. Такая возможность в жизни моей бывает нечасто.

С.А. Казаков, преподаватель Смоленской духовной семинарии: С деятельностью отца Георгия я знаком давно — и как преподаватель Смоленской духовной семинарии, и как участник различных конференций, в том числе и посвященных катехизации, прежде всего Рождественских чтений. В целом я могу дать положительную оценку конференции, потому что возвращение людей в лоно Православия — это очень важная задача в жизни Русской церкви. Важно, чтобы люди приходили в храм не просто поставить свечу, освятить куличи и пасхи или фрукты на Преображение и таким образом отдать дань какой-то традиции, но чтобы они понимали значение Литургии, значение храма, значение священника, тех икон, которые находятся в храме. Поэтому такие конференции важны. Ведь мы должны стремиться к тому, чтобы каждый человек, который пытается прийти в храм, не был оставлен, забыт или просто направляем от «свечного ящика» к священнику для совершения Таинства крещения.

ЧТО ПОКАЗАЛОСЬ ВАМ НАИБОЛЕЕ ИНТЕРЕСНЫМ И ВАЖНЫМ?

Прот. Василе Михок: Таких вопросов не несколько. Были подняты историко-теоретические темы, касающиеся того, как церковь осуществляла катехизацию в первые века и как мы можем применить эту историческую традицию в нашей сегодняшней ситуации. Это всегда интересно.

Также меня очень интересует уникальный опыт Свято-Филаретовского института и Преображенского движения. Это вызов для нас. Потому что мы видим, насколько серьезно люди подходят к крещению и подготовке к нему, что на сегодняшний день не характерно для большинства христиан и для большей части нашей православной церкви. Мы должны думать о ситуации в нашей поместной церкви. Для меня это, например, Румынская церковь. Нам необходимо более серьезно относиться к подготовке людей к крещению, а когда крестят детей — то к подготовке их родителей, поручителей, крестных.

Самое главное — чтобы люди захотели войти в церковь. Прежде всего, мы должны думать о том, чтобы помочь им открыть для себя церковь и начать входить в нее. Существуют разные возможности для наведения людей и множество способов помочь им понимать свою веру. Но проблема в том, что сейчас многие православные крестятся и крестят детей, но при этом сами даже не бывают на литургии, не ходят в церковь! И прежде всего мы должны думать о том, как помочь этим людям открыть для себя церковь и начать ходить в нее и помочь им более глубоко понимать свою веру и жить по ней.

Прот. Евгений Горячев: Мне было интереснее всего, — повторюсь, — здоровое сочетание практики и теории. Ведь бывают форумы такого рода, когда либо есть эмоции без всякой научной базы, либо есть научная база, которая, образно выражаясь, веет на присутствующих мертвециной. А здесь и очень хорошая научная, богословская часть, и в то же время живой разговор, потому что все это сопрягается с конкретной практикой оглашения.

— Это, наверное, еще и с составом участников связано: практически у всех есть какой-то опыт. И чувствуется боль за это дело.

Прот. Евгений Горячев: Я думаю, что если бы даже были только участники от Свято-Филаретовского института, было бы то же самое. Ведь ценно как раз то, что они начали не просто с оглашения «кто во что горазд», а выяснили евангельские и святоотеческие корни этого явления, всё опубликовали, всё адаптировали к православной российской действительности, наконец, создали здоровый устав рабочих катехизических принципов и, главное, с завидным энтузиазмом продолжают трудиться в том же направлении по сей день. Поэтому все мы, приехавшие на конференцию из других епархий, чувствовали себя, скажем так, скромными побегими на дереве, которое самостоятельно разрослось задолго до нас самым пышным цветом.

Прот. Павел Адельгейм: Прежде всего, производит впечатление, что катехизация начинается в разных городах, в разных храмах. Причем, судя по тому, что я услышал, вижу, что многие занялись катехизацией. Если это так на самом деле, значит, оживают приходы. Это положительный сдвиг. Я тоже начинаю думать, как организовать катехизацию в храме. По-моему, у нас в Пскове и Псковской епархии это движение на нуле. Боюсь, даже перед крещением не многие занимаются разовой предкрещальной катехизацией. Духовенство должно быть, с одной стороны, образованным, а с другой стороны, заинтересованным. Боюсь, что у нас эти два качества вместе не сходятся. Образованные священники служат на маленьких приходах, где крещений практически нет. У меня в Псковском храме, где служу 20 лет, за последние годы крещений 12–15 в год, преимущественно младенцы. Взрослые крестятся редко. Проблема катехизации не стоит, потому что крестить некого. Моя катехизация сводится к предкрещальной беседе. Я беседую с приходящими и крещу.

Миряне в жизни прихода совсем не задействованы. В Средней Азии, где я раньше служил, прихожане в большинстве своем украинцы, они очень любят петь. Благодаря пению, они знают тексты, участвуют в богослужении. Здесь народ за богослужением поет очень мало. Поют только «Верую» и «Отче наш», и на Утрне несколько песнопений. Ограниченное участие в богослужении связывает их участие в приходской жизни. Храм святых Жен Мироносиц расположен на кладбище. Храм небольшой, на 200 человек. Через храм проходит много народа: ставят свечки, подают записки и просфоры за умерших и живых — и уходят. Многие не остаются в храме и в богослужении не участвуют. Народу приходит много, а участвуют в церковной жизни немногие.

— Но это, возможно, связано с тем, что здесь говорили о взаимодействии миссии и катехизации. Миссии ведь, наверное, нет?

Прот. Павел Адельгейм: Нет миссии.

— Может быть, поэтому люди не приходят? У нас в братстве люди лично общаются с кругом своих нецерковных знакомых, потом проходят специальные миссионерские встречи (не только открытые вопросно-ответные встречи, но и экскурсии, концерты, где затрагиваются темы веры и церкви). После этого люди уже приходят на катехизацию.

Прот. Павел Адельгейм: Да, должна быть миссия. Народ, в основном, крещеный.

Всё-таки, основной стимул катехизации — в подготовке к крещению. У большинства этот стимул потерян, поскольку их крестили в младенчестве.

Исключение составляет группа, катехизацией которой занимались Андрей Еремеев, Сергей Озерский и Константин Обозный*. Из тех, кто оглашался, сложилась группа, которая теперь составляет основу Библийских чтений, продолжающихся больше 10 лет. Раньше была текучка: приходили, исчезали, возвращались. Теперь эта группа составила постоянное ядро. Большинство приходят на Библийские чтения каждый вторник, а вокруг них пристрастают их друзья и знакомые.

Свящ. Стефан Домусич: Важной особенностью катехизической традиции святых Отцов было то, что они никогда не проповедовали для какого-то абстрактного человека. Свт. Иоанн Златоуст, судя по Огласительным гомилиям, всегда смотрел на тех людей, которым проповедовал, и в зависимости от того, кто перед ним и каков его уровень, выстраивал свой рассказ. Возрождая катехизацию, нам важно это понимать. Церковная инфраструктура очень большая, приходов много, и люди не всегда готовы сами что-то делать. В подавляющем большинстве они ждут инструкций, ждут, что им пришлют план, которому они должны будут следовать. С одной стороны — это неплохо, ведь не многие знают, что говорить и как говорить, даже рассказывая общепринятые вещи, неподготовленный человек может дать неверные ориентиры, поставить не те акценты и для входящего в церковь — это будет подобно родовой травме. С другой стороны, за таким ожиданием инструкций может скрываться духовная лень, нежелание трудиться. Важно, что во многих епархиях (в Воронежской в том числе) при епархиальных миссионерских центрах открываются курсы для катехизаторов, т.е. людей будут специально к этому служению готовить. Раньше ждали разрешения, сейчас у нас есть не просто разрешение, мы знаем, что Святейший патриарх требует и призывает, чтобы люди начали реальную работу. Здесь есть, конечно, много трудностей, людям (особенно в сане) трудно осознавать, что они не исполняют своего долга если не готовят людей ко крещению, возникает желание оправдаться, списать на начальство, на «традицию» и многое другое. Есть попытки отделаться формальностью, когда церковные служащие просто читают данную им заготовку, неверно понимая это как простую передачу знаний, не думая ни о мере осознания, ни о плодах, которые должны быть принесены. Важно, чтобы катехизатор понимал, что он оглашает не с целью формально выполнить требования подготовки, и даже не с целью сделать человека своим прихожанином — в этом всем есть замкнутость на себе, на своих целях. Нужно заниматься катехизацией не для себя, а для того, кто пришел, его вхождение в церковь — вот главная цель. И когда это будет понято нами по-настоящему, уже будет невозможен формальный обезличенный подход.

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАКОВЫ МОГУТ БЫТЬ ПЛОДЫ ЭТОЙ КОНФЕРЕНЦИИ?

Прот. Василе Михок: Я думаю, здесь много людей, занимающих руководящие должности, влияющих на церковную жизнь, от которых многое зависит в жизни церкви. И это первый важный момент. Во-вторых, я надеюсь, что материалы этой конференции будут опубликованы, чтобы люди смогли почитать о ней. И, возможно, также имеет смысл «размножить» эту модель и организовать подобные конференции в других частях страны, мира, чтобы помочь людям более серьезно задуматься о проблемах катехизации, подготовки к крещению, подготовки семей к крещению своих детей, обращения некрещенных людей ко Христу и их подготовки крещению, а также послекрещальной катехизации. Все это очень важно.

Важно, что эта проблема была поставлена. Ведь до сегодняшнего момента не так много раз она вообще поднималась. Тот факт, что мы подняли ее, должен стать вызовом для всех глубоко верующих людей.

Прот. Евгений Горячев: В частности то, что люди могут поговорить по существу. Может быть, в итоговых документах, публикациях эта буквальная откровенность еще невозможна, но то, что в каком-то смысле люди идут на риск и говорят о наиболее, и их никто за это не преследует, это хороший знак.

Прот. Александр Лаврин: Любое обсуждение всегда очень полезно, если оно созидательно. В том смысле, что это не спор, где выясняются отношения, где идет речь о том, «кто виноват», а поиск и нахождение решений. И, слава Богу, здесь собрались действительно совершенно разные люди. Ну, вот скажем, о. Георгий Кочетков: там уже давно сложившаяся система. Кто-то её принимает, кто-то не принимает. Здесь есть и люди очень традиционных воззрений, но в том-то и дело, что точки соприкосновения, безусловно, уже найдены. И мне кажется, это только начало. О плодах говорить пока рано. Хорошо уже то, что мы все согласны в том, что эта проблема назрела и ее надо решать. А решается всё только обсуждением, для чего, собственно, эта конференция нужна. «А у вас как?» — «А у вас?» — «А у вас?» Происходит то же самое, что на соборе. И когда уже выявлены позиции, тогда можно что-то анализировать и синтезировать. Сейчас пока идет только выявление позиций, и слава Богу!

Свящ. Стефан Домусич: Это зависит от того, останется ли она просто очередной конференцией института или нет. Ведь большинство из присутствующих прекрасно сами все осознают, давно думают над этими проблемами. А вот если постепенно необходимость катехизации и возможные пути ее реализации будут открываться для остальных, если какие-то из докладов попадут в другие сборники, на другие православные сайты, то тогда плоды будут большими и многим принесут пользу.

Свящ. Иоанн Привалов: Если хотя бы для всех нас прояснится, что является катехизацией, что ею не является, где ее границы, и еще — что катехизация должна быть в православной церкви все-таки традиционной, основанной на святоотеческом наследии, я думаю, что в этом и будет плод. И еще — я думаю, что прикосновение живого к живому может послужить умножению живого.

Свящ. Игорь: Какие-то плоды, наверное, будут. Но, я думаю, сама конференция — это некий плод. Здесь собралось достаточно большое количество священников, и насколько я понимаю, запросы делались епископам, и епархии делегировали священников на эту конференцию. Здесь присутствуют и представители из Синодального отдела по образованию и катехизации, причем присутствуют вот уже два дня — не только «пришли, показали и благословили», а очень заинтересованно и хорошо участвуют, и видно, насколько для них это важно.

Но когда думаешь о плодах, то, честно говоря, грусть здесь тоже присутствует, поскольку я знаю, что я вернусь на свой приход и, конечно, всё очень-очень долго будет так, как оно есть. Грусть по поводу того, что не всех в церкви интересует эта тема. А ведь она должна была бы быть для всех основной, центральной. Мы очень долго жили без серьезного подхода к воцерковлению людей, и теперь трудный церковный народ расшевелить, несмотря на все указы, которые сейчас появляются со стороны нашей иерархии. Вот,

скажем, нам всем официально благочинный объявил, что нужно иметь беседу (наконец-то!) перед крещением. Есть указания владыки Ювеналия, что должны быть беседы перед крещением, что не должно крестить просто так. Причем строго указано, что ни в коем случае нельзя это опускать, чтобы не получилось так, что в нашем храме проводят беседы, а где-то ещё пошел человек и, не пожелав собеседования, запросто крестился без всякой подготовки. По этому поводу можно было бы радоваться, наверное. Я и радуюсь, но как-то в меру. Ведь не очень-то от этого что-то сдвигается в положительную сторону, очень часто все остается так, как оно есть. Те люди, которые приходят креститься, они как-то «превзойдут эти трудности», не самые, наверное, большие, и согласятся и на одну беседу, и на две беседы. Что касается священников — ну, они вынуждены будут тоже каким-то образом все это исполнять. Но все-таки каких-то кардинальных изменений вряд ли в ближайшее время можно ожидать.

С.А. Казаков: От этого благого дела, конечно же, должны быть достойные плоды. Нам всем очень важно понимать, что каждый человек важен для прихода и к каждому человеку желательно подходить с особым отношением, с особым чувством, чтобы мы не потеряли людей. Потому что очень много людей приходит сегодня в храмы, но они просто заходят буквально на 5–10 минут, и мы не можем ничем помочь. Бывает так, что не всегда и священник бывает при храме, а люди приходят со своими проблемами и не получают ответа. Так что всё упирается в катехизацию. Когда человек осознает, для чего он приходит в храм, для чего над ним совершается Таинство Крещения, он в дальнейшем осознает, что не будет оставлен этим приходом и не потеряется, а при каких-то ошибках возможных его всегда поддержат, и он не будет брошен.

Вопросы задавали
Александра Колымагина и Дарья Макеева

Фото Алёны Капшиной

Круглый стол «Современные проблемы возрождения катехизации в Русской православной церкви»

Фото Дмитрия Писарева

Слева направо: О. Павел Адельгейм, диак. Григорий Конли, о. Василе Михок, о. Димитрий Черепанов, о. Николай Соколов

* Катехизаторы, члены Преображенского сообщества. Константин Обозный — зав. кафедрой церковной истории СФИ.

Вот уже второй номер мы публикуем статьи и воспоминания о Великой отечественной войне. Чего же мы ищем, оборачиваясь назад в дни этого далеко не самого «круглого» юбилея? Наверное, того, что все больше затмевается обилием лозунгов и схем, спекуляций и мифов — правды. Иногда нам кажется, что не то что в

жизни народа, в жизни каждого отдельного человека происходит так много разных событий, действует так много побуждений, сил и желаний, что понять, а тем более рассказать правду — задача невозможная. Но это не так. Чаше всего мир отражается в нашем сознании как темень и мешанина — или как плоская, а то и линейная картинка — не потому, что правды нет, а потому что мы её боимся. И избавиться

ся от этого страха (а значит, и стать способными взглянуть правде в лицо) мы можем лишь открывшись отогревающей нас любви и силе Божьей. И тогда все бессмысленные обрывки выстроятся в полную смысла историю, из которой необходимо сделать жизненные выводы, что-то менять, от чего-то отказываться, а главное — идти вперед, потому что стал виден путь...

Конечно, ни один из наших материалов в отдельности и даже все они вместе не могут претендовать на отражение именно этой, подлинной, незамутненной картины нашего общего прошлого. Они — лишь несколько нот, в которых не звучит фальшь, и поэтому они могут стать частью той мелодии, которую нам нужно учиться выстраивать вместе, если мы хотим, чтобы у нас было не только прошлое, но и будущее.

Юлия Балакишина: Как Вы считаете, насколько наше поколение, т.е. поколение людей, которые уже войну не помнят, могут знать правду о войне? И в чем она, эта правда, на Ваш взгляд, заключается?

Григорий Померанец: Первая половина Вашего вопроса и вторая его половина — очень разные. В чем заключается правда? Ответить на это — огромный труд, потому что война была чрезвычайно сложным делом. Там были и провалы, и победы, отложенные на второй план. А можно ли ее узнать? Если есть желание и возможность пользоваться воспоминаниями, материалами, которые лежат глубже, чем в газетах, то добраться можно. Добираемся же мы до того, чем была война Ивана Грозного за взятие Казани или за прорыв на Запад. Все это в конце концов до некоторой степени становится известным. Вот только кому? Очень небольшому меньшинству, которое серьезно занимается историей. И так же трудно, пожалуй, даже труднее, добраться до того — чем была эта война. Ибо о ней столько написано, и такого разного.

Я был участником этой войны. И я ее вижу в натуральном виде: временами — ужасном, а изредка — прекрасном, а иногда и в том и другом сразу. Например, когда мы взяли Берлин (получилось так, что я начинал войну на окраинах Москвы, а кончил в Берлине), то у меня было смешанное чувство — и гордости: «вы Москву не взяли, а мы Берлин все-таки берем, и можно сказать, что уже взяли!», и стыда за то, что там творилось. Немцы подчитали число изнасилованных, оно шестизначное. Огромное напряжение, которое надо было преодолеть, чтобы пройти через массу оборонительных рубежей, сделало победу своего рода опьянением. А спяну человек не может сдерживать своих инстинктов. И во время войны много было таких случаев, когда напряжение боя, в котором было скорее вдохновение, смешанное с напряженной работой ума, усилием мгновенно понять, какой ход успешнее других, начинало вырождаться. Когда победа вроде бы уже достигнута, на какой-то момент возникает переход вдохновения в упоение, упоения в хмель — а хмель сплошь и рядом кончается похмельем.

Я помню, как в 1943 году на Украине село Калиновку мы брали шесть раз. Мы два раза прорывали линию обороны немцев: первый раз это было просто поддержкой битвы на Курской дуге, а второй раз нам нужно было двинуться вперед. Здоровых солдат, пехотинцев, у нас в дивизии оставалось человек, может быть, пятнадцать. А за нами шел вздоравливающий батальон легкокоранных, который постепенно пополнялся. Немцы, не задерживаясь, прошли через Донбасс и заняли позиции по хорошо подготовленной линии Вотана (Вотан — это бог войны у древних германцев). Это была линия из трех рядов очень совершенных укреплений. Лучшей оборонительной линии я не видел. И когда, наконец, с третьей попытки наша армия, пополненная жителями Донбасса, очень наспех, плохо обученными (мы их называли «трофейными солдатами»), сумела преодолеть эти три линии, было такое опьянение победой, что оно страшно легко перешло в беспечность. И наши «трофейные солдаты», когда мы входили в село, моментально рассыпались по домам. Им казалось, что все уже сделано. А меж тем село было большое, немцы от огня наших минометов отходили вглубь деревни, куда артиллерия не доставала, перегруппировывались и переходили в атаку. И встречали не организованное тело, а толпу, потому что «трофейные солдаты» были плохо обучены. И они бежали. Но тут они добежали до линии наблюдательных постов артиллеристов, артиллеристы их задерживали, укладывали в цепь, а потом подбегал связной и говорил, что командир дивизии приказал опять переходить в наступление... Я в это время, после ранения, работал сотрудником газеты. И получилось так, что я был единственный незанятый человек, который ходил по этой цепи, разговаривал с солда-

тами, ободрял их и повел их. Хотя я был не подготовлен, я начал соображать «на ходу». И решил не входить в село, потому что они там снова разбредутся. Но из этого ничего не вышло: подбежал знакомый майор из штаба и спросил, почему я не вхожу в деревню. Я говорю: «Я уже входил в нее, они там становятся толпой». Он говорит: «Ничего не поделаешь — уже доложили в Москву». И мы вошли в деревню и опять рассыпались там, потому что кадровой пехоты у нас почти никогда не было. Бывало время, когда возникало ядро «обстрелянных» солдат, тогда дело другое. Но чаще сплошь и рядом мы набирали людей из завоеванной области, кое-как их обучали, и они выполняли то, что требуется, когда командир их видел и отдавал им приказания, а когда они оставались сами по себе, они терялись. В общем, в конце концов, мы пустили стрелковую цепь и пушки, которые толкали руками. И присутствие артиллеристов, которые были люди «обстрелянные» и, можно сказать, квалифицированные (артиллерия несла меньше потерь, и поэтому она сохраняла ядро «обстрелянных» солдат) как-то поддерживало дисциплину в стрелковой цепи. И тогда мы, наконец, эту деревню взяли. Вот один из эпизодов войны.

В этих эпизодах было много и вдохновенного, когда наступление вызывало чувство полета над страхом, движение радовало, и много ужасного, когда были лишние, ненужные жертвы. Я помню, например, как в 1942 году сразу после ранения я попал на фронт к северо-западу от Сталинграда. Сталиным был дан приказ — срезать атакой пехоты клин, который вбили немецкие танки, отделив Сталинград с севера от остальной страны. Это было абсолютно безумным приказом. У него иногда бывало это, у Сталина. И ничего не поделаешь — приказ есть приказ. Каждая дивизия получила два километра фронта, т.е. мы шли плотной цепью. А в воздухе немцы господствовали тогда абсолютно, и поэтому наступление в этих условиях не имело никакого смысла. Маршал Шапошников предлагал весной и летом 1942 года перейти к стратегической обороне, но Сталин его уволил. Ему казалось, что раз наступали зимой, то можем наступать все время. И мы на всех фронтах несли огромные потери без всякой пользы. Настолько огромные, что с трудом собрали силы, когда нас атаквали и танки, и авиация в конце 1942 года, чтобы, прорвав немецкий фронт на румынских, итальянских участках, заставить их отступать. Тогда, к северо-западу от Сталинграда, это была не война, а сплошное убий-

ство. В других случаях мы все-таки, хотя и теряли много, побеждали, заставляли немцев отступать. И в конце концов заставили их полностью отступить, до того, что мы на Эльбе встретились с англичанами и американцами. Но в конечном итоге наши потери относились к потерям немцев как восемь к одному, т.е. мы победили со страшными потерями, с истощением всей страны, победили благодаря огромному напряжению всех сил народа. И восстановить то, что было потеряно, было очень непросто.

Юлия Балакишина: Вы говорили об отрицательном опыте, а был ли положительный? Вообще, сам этот опыт войны нужен ли, важен ли был для человека? Или наоборот, он был исключительно разрушительным для человеческой личности?

Григорий Померанец: Знаете, это очень поразному у разных людей. Многие удивляются, что я на войне больше получил, чем потерял. Когда после ранения я опять попал в боевую ситуацию, как раз к северо-западу от Сталинграда, где страшно действовала все время немецкая авиация, то я пережил полчаса отвратительного страха — но вспомнил, что перед этим у меня были какие-то моменты, когда я страх преодолевал, и, вспомнив их, — я и этот преодолел. И с тех пор, как мне один раз удалось преодолеть страх, у меня возникло чувство полета над страхом. Когда возникала рискованная ситуация, когда кругом люди падали убитые и раненные, у меня появлялось что-то вроде опьянения. Знаете, мне очень часто вспоминался Пушкинский гимн чуме:

*Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.*

*Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслаждения —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волнения
Их обретать и ведать мог.*

Кто как: некоторые люди после войны вышли ожесточенными, некоторые вышли надломленными, не любили об этом говорить. А я охотно рассказываю о войне, потому что в конце концов все ужасное, что я видел, было преодолено. И оно помогало мне преодолевать чувство страха и в некоторых гражданских ситуациях. Например, когда в 1965 году в «Правде» было напечатано письмо трех академиков, что в ин-

тересах истины надо признать заслуги Сталина, и против этого возникло недолго существовавшее движение интеллигенции за продолжение расследований преступлений Сталина, то я произнес весьма дерзкую речь, вспоминая фронтовой опыт преодоления страха. Председатель КГБ Семичастный дважды требовал признать мои вещи антисоветскими и не добился этого, потому что меня поддержал Юрий Александрович Левада, ныне покойный, поддержал Твардовский — и Семичастному пришлось отступить. Понимаете, это опыт войны заключал в себе воспоминание о полете над страхом, который нужен и в гражданских делах.

Но после войны Сталин, пока он жил до 1953 года, шаг за шагом предпринимал действия для того, чтобы подавить это чувство собственного достоинства и готовности противостоять деспотизму. Был настоящий террор против военнопленных, которых сажали на большие сроки в лагеря, потому что они в немецких лагерях для военнопленных слишком привыкли к свободемыслию. И нелепые кампании — против Ахматовой и Зощенко, против «поповской лженауки кибернетики», «поповской лженауки генетики», против академика Сыркина, который выдвинул интересную теорию органической молекулы, не вкладывающуюся в рамки диалектического материализма. И кончилось это, как вы помните, делом врачей, которое сорвалось только потому, что Сталин «вовремя умер». Очень многое было сделано Сталиным, чтобы подавить тот творческий подъем, который вызвала победа. И, к сожалению, мы до сих пор стоим перед нерешенными задачами. У одних людей сохраняется традиция свободной мысли, а у других сохраняются и растут другие традиции, в том числе, я бы сказал, разрушительные.

Мы сейчас на пороге целой эпохи, когда сталкиваются силы творческие и силы разрушительные. Мне приходится в общих словах это описывать, но как это подробно сказать? Это невозможно. Но я, дожив до 92-х лет, все-таки не теряю надежды, что, в конце концов, творческие силы найдут себе дорогу. Риск другого исхода остается — очень много не сделано, очень много дурного, порочного не выкорчевано. И когда возникла внешняя свобода, то полезло много муты, много грязи, много гнили. И сейчас, мне кажется, вопрос открыт... Победит ли тот слой гнили, который медленно накапливался в порках нашей страны во время эпохи, когда не было подлинной веры в старые ценности и не родились ценности новые? Укрепится ли новая система ценностей? И это вопрос открытый — каждым человеком он решается по его совести, по его силам.

Юлия Балакишина: Война — это наша история, наше прошлое. Какие уроки, какие выводы исторические могли бы мы сделать из этого опыта?

Григорий Померанец: Я считаю, что война показала способность народа отстоять свое существование. Несмотря на то, что сначала была масса обстоятельств, давших возможность Гитлеру дойти до Москвы, все-таки Москву он не взял. Постепенно возникло патристическое чувство, которое объединило нас вокруг той власти, которая была — мол, «разберемся с ней потом». Патристическое чувство помогало людям идти на очень большую вероятность смерти, увечья и т.д. Повторяю, наши потери относятся к немецким как восемь к одному. Потери были слишком большими, а истина слишком часто была прикрыта густым флером лжи. Нынешняя кампания триумфальной гордости победой через столько лет после победы показывает, что победа была неполной — ведь получается, что ничем другим в последующем нам нечем гордиться, иначе разговоров о войне было бы меньше. Хотя, повторяю, в войне было то, чем можно гордиться, было много мужества, самоотверженности, без которых войну мы бы не выиграли.

СУД ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Трагедия советских военнопленных

Колонны советских военнопленных под Старой Руссой.

В своем известном труде, посвященном православной церкви в советском государстве, А. Краснов-Левитин написал очень точные и беспоощадно правдивые слова: «Война 1941–1945 годов — это суд над народами и над правительствами, над партиями и над церквями»¹. Конечно, автор подразумевал не судебный процесс или тяжбу по разделу сфер влияния, которые были в 1939 году или в 1945 году, но вкладывал в него библейское, духовное понимание — суд как обличение, суд как обнажение немощей, пороков, греховных язв, которые в мирное время могут искусно или бездарно скрываться, декорироваться. Война в своем страшном горниле сжигает все временное, суетное, второстепенное и являет суть вещей, проблем и сердцевину каждого человека. Это явление правды было настолько сокрушительным и нестерпимым, что советское правительство было вынуждено пойти на изменение (хотя и временное) во внутренней политике, а с другой стороны, именно поэтому история Второй мировой войны в советский период была наиболее заидеологизированной страницей нашей истории (это продолжается и по сей день). Одним из таких судебных обличений советскому строю, который затрещал по швам уже в первые часы начала войны, стала трагедия военнопленных красноармейцев.

Эта страшная история имеет свой пролог, который ведет свое начало с досоветских времен. В Европе попытки достичь договоренности о смягчении методов ведения войны и гуманном отношении к военнопленным начались в 60-е годы XIX века. Инициатива исходила от министерства иностранных дел России и лично императоров Александра II и Николая II. Поначалу предложения России не встретили понимания в европейском сообществе. В 1899 году усилиями императора Николая II удалось созвать I Гаагскую мирную конференцию, на которой председательствовал русский посол в Лондоне барон Сталь. На конференции были выработаны пункты «Ограничения в отношении законов и обычаев сухопутных войн». Сюда был внесен раздел, касающийся отношения к военнопленным. В 1907 году была собрана II Гаагская конференция, на которой были внесены существенные поправки в предыдущую конвенцию и четко описаны права и обязанности военнопленных².

После того, как Россия стала советской, новая большевистская власть отказалась признавать Гаагскую конвенцию. По словам В.И. Ленина, «Гаагское постановление о плененных создает шкурническую психологию у солдат»³. Европейская общечеловечность, потрясенная бедствиями и жестокостью Первой мировой войны, принялась за разработку и пересмотр (в целях повышения эффективности) положений II Гаагской конвенции о военнопленных. В результате 27 июля 1929 года появилась Женевская конвенция «Соглашение об обращении с военнопленными», которая существенно дополняла Гаагское соглашение. Вот некоторые из важнейших пунктов Женевского соглашения: регистрация плененных, инспекционное посещение лагерей представителями Красного Креста, возможность жалоб, питание, равное питанию тыловых частей армии того государства, в котором содержатся военнопленные, а также помощь Красного Креста⁴. Руководство советского государства отказалось подписать и Женевскую конвенцию. Несмотря на обращение немецкого правительства к Международному комитету Красного Креста «с намерением договориться об условиях содержания плененных обеих сторон» (русской и немецкой), на инициативы Красного Креста, обратившегося к советским послам в Лондоне и Швеции, на предложения союзников (в частности, Государственного департамента США) подписать конвенцию и соблюдать ее положения, Кремль оставался непреклонен. Аргументация Верховного главнокомандующего Сталина была предельно проста: «Русских в плену нет. Русский солдат сражается до конца. Если он выбирает плен, он автоматически перестает быть русским»⁵. Это высказывание вождя сделано в духе знаменитого приказа №270, по которому для красноармейца не предусматривалась вероятность пленения, если же это произошло, то советский военнопленный становился на одну ступень с предателем и изменником Родины. Например, пункт №2 из сталинского приказа №270 от 16 августа 1941 года гласил: «Попавшим в окружение сражаться до последней возможности, пробиваться к своим. А тех, кто предпочтет сдать в плен, — уничтожать все-

ми средствами, а семьи сдавших в плен красноармейцев лишать государственных пособий и помощи»⁶. Именно Сталин, Молотов и другие члены правительства и ГКО фактически предали миллионы русских солдат, оказавшихся в немецком плену в неслыханно худших условиях, чем все остальные военнопленные армий, воюющих с нацистской Германией и ее союзниками.

Какжется, что подобная жесткая принципиальность советской стороны не поддается рациональному объяснению. Но так может показаться только при первом приближении к теме. Главное, что заставило Сталина и его соратников избирать подобную позицию в отношении своих плененных солдат, — это страх. Страх, что Красная армия, состоящая в основном из числа крестьян, не пожелает защищать антинародную власть. Опасения Кремля не были безосновательными. Только в 1941 году в немецкий плен попало 3 350 000 советских военнослужащих. Это была настоящая катастрофа, которая даже для немецкого командования стала неожиданностью. Немецкая армия не была готова к такому наплыву военнопленных. Наряду с жестокими и бессмысленными расстрелами военнопленных красноармейцев, порой пленных отпускали по домам (предварительно обезоружив и профильтровав) с милостью победителей, рассчитывавших всего через несколько недель пройти парадным строем по Москве. Такое число военнопленных было не только результатом хаоса и порой настоящей паники, которая охватила руководство Красной армии летом 1941 года и привела к образованию так называемых «котлов», то есть крупных частей воинских соединений (насчитывающих десятки тысяч человек), попавших в кольцо окружения. Другой причиной такого числа плененных красноармейцев была массовая добровольная сдача в плен. При этом сдавались не из любви к немцам, а из неприятия советского строя. Кремлевские вожди это прекрасно понимали, а потому не признавали за пленными красноармейцами права на жизнь, отказываясь подписать международную конвенцию. Ведь советские люди, попав в руки врага, представляли для сталинского режима серьезную опасность. Они могли быть использованы и в пропагандистских целях, и в военных действиях на стороне противника.

Знаменитый английский корреспондент Александр Верт в середине 1942 года встречался с полковником Красной армии, у которого спросил о причинах игнорирования советским руководством Женевской конвенции. Офицер откровенно ответил: «Наша армия прошла через ад, и ей предстоит еще много адских испытаний, прежде чем закончится война. И в этом аду, надо признаться, мечту об удобной постели и завтраке (какие получают английские пленные) можно осуществить простой сдачей в плен, а это плохо влияет на моральное состояние армии. Но политически немцы совершают колоссальную ошибку. Если бы немцы обращались с нашими пленными по-человечески, это скоро стало бы известно. Страшно сказать, но, издеваясь над нашими пленными и доводя их до голодной смерти, немцы помогают нам»⁷.

Действительно, бесчеловечное отношение к советским военнопленным привело к огромным потерям — некоторые погибали в первые минуты пленения, другие гибли в момент этапирования (каждый десятый не переживал этап), наконец, умирали в лагерях от голода, болезней, замерзали или погибали при попытке бегства. Так, например, на территории группы армий «Юг» смертность в лагерях военнопленных в декабре 1941 года составляла от 10 до 50 человек в сутки. На территории генерал-губернаторства (Польша) из 361 000 военнопленных к 20 октября 1941 года умерло 54 000, а к концу года это скорбное число выросло до 65 000 человек. В лагерях советских военнопленных на территории Германии к апрелю 1941 года от голода и тифа погибло 47% от общего числа заключенных. По сведениям немецких исследователей к весне 1942 года из 3,35 миллионов советских пленных погибли около 2 миллионов⁸.

Следует отметить, что после 1941 года число красноармейцев, попавших в немецкий плен, сокращается. Так выглядит статистика по годам:

1941 год	— 3 355 000
1942 год	— 1 653 000
1943 год	— 565 000
1944 год	— 147 000
1945 год	— 34 000
Всего	— 5 754 000 человек ⁹

Конечно, это приблизительная статистика, так как здесь не учтены те, кто был убит при взятии в плен, расстрелян из места за убийства немецких военнопленных, погиб от ранений и болезней во время этапирования, был переведен в воинские части Германии в качестве вспомогательной силы без учета и ведома руководства. Независимые эксперты определяют общее число плененных красноармейцев в 6 миллионов, из них погибло не менее 4 миллионов¹⁰.

Исследователи этого вопроса (А. Даллин) предлагают интересное сравнение положения советских плененных и англо-американских плененных. Смертность среди советских военнопленных составляла 57%, американских и английских — 3,5% (8 348 человек). Между 21 и 30 октября 1941 г. на территории Польши в лагерях советских военнопленных умерло 45 690 человек, то есть больше, чем 4 500 человек в день. Таким образом, за два дня погибло советских военнопленных больше, чем англо-американских военнопленных за весь период войны на европейском театре военных действий¹¹.

К моменту капитуляции Германии в плену находилось не менее 900 000 советских граждан. Однако советские специалисты указывают на цифру в 1 863 000, тех, кто был освобожден из немецких лагерей и вернулся на родину. Расхождение можно объяснить тем, что советская статистика в разряд плененных отнесла казаков, добровольцев, «хиви», солдат и офицеров Русской Освободительной армии, то есть тех, кто встал на путь вооруженной борьбы с советской властью и к военнопленным, строго говоря, не относился.

Для многих советских военнопленных, переживших эпидемию и голод, испытания не закончились даже после возвращения в СССР. Репатриация советских граждан, ока-

завшихся в плену, на чужбине в качестве восточных рабочих и беженцев, была предусмотрена особыми статьями Ялтинского соглашения. Этот договор определял, что все советские граждане (а на деле и русские эмигранты первой волны) независимо от их желания выдавались союзниками так называемым репатриационным комиссиям. Не вдаваясь в подробности этой темы, коснемся лишь судьбы военнопленных. Подавляющее их число было обвинено в измене. Около 20% были расстреляны или получили 25 лет лагерей, 15–20% были осуждены на срок от 5 до 10 лет, 10% были сосланы в Сибирь на срок не менее 6 лет, 15% были посланы на принудительные работы, и только 15–20% вернулись домой¹².

Война сталинского режима против своего народа продолжалась и после капитуляции нацистской Германии.

Нельзя оставить в забвении тот факт, что на оккупированной территории зачастую единственной реальной помощью приходила от местного населения, которое было организовано и вдохновлено на дела милосердия православной церковью. На приходах собирали одежду, продукты, медикаменты, а затем отправляли в лагеря военнопленных. Священнослужители посещали узников, поддерживая их словом и делом. Так, например, Внутренняя Православная Миссия в Латвии, организованная по благословению епископа Сергея (Воскресенского), своей главной задачей видела окормление военнопленных Красной армии¹³. Протоиерей Кирилл Зайц писал об этом так: «Я был болен, и вы посетили Меня, в темнице был, и вы пришли ко Мне». Вся деятельность Внутренней Миссии в наши дни состояла и должна была состоять в осуществлении в жизни этих слов Спасителя по отношению к страждущим, раненым и больным военнопленным русским людям»¹⁴.

В первые недели немецкой оккупации Прибалтики местная администрация «по своему усмотрению разрешила проводить православные богослужения в лагерях»¹⁵. У оккупационных властей в тот момент, видимо, не было четких директив и установок относительно содержания военнопленных и возможности их окормления православной церковью. В то же время, столкнувшись с невиданным количеством плененных, администрация лагерей в принципе была не против такой помощи извне, тем более что ждать ее было неоткуда.

Духовная и материальная поддержка лагерей военнопленных оказывалась и со стороны Псковской Православной Миссии в 1941–1943 гг. Удивительно, что некоторым ее сотрудникам, арестованным в 1944 году СМЕРШем и осужденным на долгие сроки за антисоветскую деятельность, на следствии было предъявлено также обвинение в проведении контрреволюционной агитации среди плененных красноармейцев. Итак, власть не могла «простить» не только самих плененных, но и тех, кто пытался спасти их от физической и духовной гибели.

К великому сожалению, трагедия советских военнопленных до сих пор остается темой неудобной для всенародного торжества в юбилейные дни Победы. Но без этой страницы истории, без правдивого слова о войне и Победа превращается в пропагандистский глянецовый плакат, который не способен предостеречь от повторения ошибок, который закрывает личность живого человека и лишает нас духовной и исторической памяти. Суд продолжается...

Константин Обозный

¹ Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 636.

² Дугас И.А., Черон Ф.Я. Советские военнопленные в немецких концлагерях (1941–1945). М., 2003. С. 105.

³ Там же. С. 98.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Цит. по: Толстой Н. Жертвы Ялты. Париж: YMCA-PRESS, 1988. С. 19–20.

⁶ Цит. по: Финкельштейн Ю. Свидетели обвинения: Тухачевский, Власов и другие... (Проклятые генералы). Санкт-Петербург — Нью-Йорк. Журнал «Нева», 2001. С. 140–141.

⁷ Дугас И.А., Черон Ф.Я. Указ. соч. С. 100.

⁸ Там же. С. 151–152.

⁹ Там же. С. 294.

¹⁰ Там же. С. 302.

¹¹ Там же. С. 301.

¹² Там же. С. 310.

¹³ Внутренняя миссия называлась потому, что ее деятельность не выходила за каноническую границу Латвийской православной церкви и за пределы рейхскомиссариата «Остланд».

¹⁴ Зайц Кирилл, прот. Доклад Высокопреосвященнейшему епископу Сергию от 23 октября 1941 года. Рига. Личный архив священника Андрея Голикова.

¹⁵ Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 352.

В ХОДЕ ЭТИХ ВСТРЕЧ СКЛАДЫВАЛАСЬ СИСТЕМА ОГЛАШЕНИЯ

О. Георгий Кочетков рассказывает о катехизации на приходе о. Аркадия Шатова

— Мы сейчас много говорим о катехизации. Расскажите, пожалуйста, в этой связи, как Вы занимались катехизацией на приходе о. Аркадия Шатова?

Свящ. Георгий Кочетков: Проблемы, обсуждавшиеся совсем недавно на нашей конференции «Традиция святоотеческой катехизации: пути возрождения» — проблемы, конечно, не сегодняшние, они уже были осознаны всей церковью, и довольно давно. Во всяком случае, на протяжении всего XX века мы встречаем множество разных высказываний общественных и церковных деятелей, богословов, иерархов и священников, которые говорили не просто о необходимости катехизации, но и о том, что ее надо начинать немедленно. По их мысли, она должна была стать действительно последним подвигом, который только и способен вывести Русскую церковь из столбняка и паралича, из того порабошения внешним силам, в котором она оказывалась не однажды в своей прежней истории. А это порабошение существовало как до революции, так и, особенно, после революции — прежде всего духовное порабошение, я сейчас не имею в виду вещи организационные или какие-то институциональные. Так что, конечно, всякий живой человек в нашей церкви, начиная с конца 60-х годов (я только об этом времени могу свидетельствовать, потому что о том, что было раньше, просто не знаю по своему личному опыту) непрерывно думал и говорил как об общине, так и о катехизации. Эти две темы всегда волновали тех, кто думал о будущем нашей церкви. Нужна община — не просто приход, не просто некая «сборность», но именно *соборность*, начиная с нижнего уровня — это первое. И второе — катехизация: начиная с прихода, начиная с тех людей, которые просто приходят креститься, не зная, что они делают и зачем, и кончая просвещением всех входящих в Церковь, как это было принято с апостольских времен, но потом, к сожалению, было забыто. Забыто настолько, что традиция церковная — традиция обучения и научения — стала прерываться, что привело, с одной стороны, к рационализму и схоластике, а с другой стороны — к массовому невежеству и суеверию. И вот поэтому совершенно неудивительно, что и я вместе с кружком своих друзей, замечательных людей — верующих, обретших веру в сознательном возрасте, тоже начал заниматься катехизацией еще с конца 1960-х годов, а подготовкой людей к крещению уж точно с года 1970-го. Думаю, понятно, почему я немного развожу эти понятия — ведь катехизация не всегда касается в точности людей, которые готовятся к крещению, она может относиться к людям, которые уже крещены, но не воцерковлены или не участвуют вполне в тех

Перед Свято-Троицким храмом в с. Голочелово. Конец 1970-х. Фото из архива А.М. Копировского

или иных сторонах церковной жизни).

Так что для меня это время — 1970-е годы — очень богато разными воспоминаниями. Это было время накопления опыта, время проведения разных огласительных групп. Нам не у кого было спросить — как и что сделать, так что для того, чтобы достичь цели в оказании помощи людям, приходящим к Богу и в Церковь или просто ищущим Бога, ищущим Церковь, ищущим правды, ищущим справедливости, ищущим красоты вместо безобразия, царившего в то время в душах людей и в самой нашей стране, надо было двигаться «на ощупь», исходя только из внутренней логики православной традиции и внутреннего смысла духа Священного Писания и Предания нашей Церкви. Так вот, в конце 70-х годов появилась возможность ведения катехизации в больших группах, причем регулярной катехизации, когда группы шли одна за другой без всякого перерыва. И это было связано с именем только что рукоположившегося тогда, только-только пришедшего к вере, почти неопита — горячего, искреннего человека, которого сейчас мы знаем под именем протоиерея Аркадия Шатова, избранного на днях еще и епископом в связи с его новой должностью главы отдела по церковной благотворительности. Это был человек, действительно, очень ищущий, человек из творческой среды, художественной, театральной. У него была замечательная супруга, матуш-

ка София, которая была очень выдержанным, очень целостным человеком, лишенным каких бы то ни было крайностей в суждениях и действиях, которые часто бывают свойственны неопитам. О. Аркадий Шатов тогда был в близком кругу общения с о. Александром Менем, читал много книг, в т.ч. так называемого «тамиздата»: «Вестник РХД» и другие замечательные издания и книги, чьими авторами были деятели великого русского философского возрождения конца XIX — первой половины XX века. Потом, правда, о. Аркадий сильно разошелся с о. Александром, но это уже было в начале 80-х годов. Мы познакомились с ним через пустыньку о. Тавриона (Батозского); я и некоторые люди из моего круга стали близко общаться с отцом Аркадием Шатовым, тогда еще не отцом, а просто мирянином, недавно вошедшим в церковь, и большим его кругом, куда входил приятель о. Аркадия, Дмитрий Смирнов — сейчас известный протоиерей, возглавляющий, как и о. Аркадий, один из отделов Московской Патриархии, правда, еще не епископ. И о. Аркадий, как только рукоположился в 1979 году, стал всех желающих креститься направлять ко мне и моим друзьям, чтобы их готовили через катехизацию. Эта катехизация проходила постоянно в московском доме о. Аркадия, хотя служил он довольно далеко — в Московской области, в с. Голочелово Ступинского района. Туда добираться было трудно, да-

леко, мы ехали почти 5 часов в один конец каждую неделю, но это было замечательное время, потому что приходили живые люди. Кто-то удерживался, кто-то не удерживался, но воцерковиться смогли действительно многие. И в ходе этих встреч у меня как раз сложилась та система оглашения, которую позже мне удалось сохранить и развить, добавив ко второму этапу оглашения первый и третий этапы в соответствии с логикой вещей и святоотеческой традицией. На приходе о. Аркадия мы, конечно, вели катехизацию только на уровне второго этапа: это было четырнадцать или шестнадцать тем, которые я тогда довольно быстро составил и начал проводить в жизнь с помощью прихожан о. Аркадия и самого о. Аркадия. Он не только исповедовал и не только крестил, но иногда участвовал и в проведении самого научения, хотя это было для него трудновато, потому что тогда, как я уже сказал, он был, по сути, еще неопитом. В 1990 году матушка София завершила свой земной путь. Она ушла еще молодой, и я никогда не забуду ее слова на смертном одре: «Вот иду домой... Я пошла домой». Это был для меня духовный опыт, запомнившийся на всю жизнь.

К сожалению, в 1993–1994 годах, когда начались гонения на нашу паству, на наш приход, на наш институт, наши отношения с о. Аркадием, увы, прервались, особенно после так называемой конференции «Единство церкви». Но времена были трудные, я, конечно, это хорошо понимаю и взывать с кого-то, как говорится, строго было бы, может быть, слишком жестоко. Однако сам опыт катехизации, разработанный в те годы в приходе о. Аркадия (некоторые из тех, кто тогда приходил на оглашение, кто крестился у о. Аркадия, до сих пор остаются в наших общинах и братствах) — это то, за что можно поблагодарить Бога. Этот опыт как раз является той базой, той основой, на которой строится всякая теория. Ведь мы исходим не из теории для того, чтобы подогнать под нее жизнь, а из духовного опыта, и подтверждаем его положениями теории или примерами из святоотеческого прошлого. Вот, наверное, все, что можно здесь сказать. Период, когда мы вели катехизацию на приходе у о. Аркадия, был довольно короткий — немногим более года. Потом в 1980-м году я поступил в Ленинградскую духовную академию, и мне пришлось продолжить катехизацию уже в Петербурге. Там, как известно, очень глубоко откликнулся на эту практику и на это стремление катехизировать приходящих к вере людей ректор академии, ныне Святейший патриарх Кирилл. Но это уже была другая страница нашей истории.

Источник: Сайт Преображенского братства <http://psmb.ru>

Преображенское содружество малых православных братств

Свято-Филаретовский православно-христианский институт проводят международную конференцию

«СТАРШИНСТВО И ИЕРАРХИЧНОСТЬ В ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ»

**Москва
29 сентября – 1 октября 2010 г.**

Цель наших конференций — постановка проблем, без решения которых, на наш взгляд, невозможно возрождение каждого отдельного человека и всего российского народа. Среди обсуждавшихся в последние годы фундаментальных понятий уже были «личность», «общение и общность», «противостояние злу» и т.д.

Восстановление нормы в сфере основ человеческой жизни, к числу которых относится и понятие старшинства, представляется нам необходимым и обязательным условием как для преодоления инерции прошлого, так и для нового творческого развития.

В рамках предстоящей конференции мы хотели бы разобраться в простых, но жизненно важных вещах: что такое истинное старшинство? на каких основаниях оно может утверждаться? Каково его место в семье, обществе, Церкви?

Среди наших соотечественников немало людей, либо вообще выступающих против всякого старшинства, либо мечтающих о «железной руке, способной обеспечить им спокойствие и счастье». Мы надеемся, что избежать этих крайностей нам позволит обращение к христианской традиции, которая не просто предлагает альтернативу существующим принципам

иерархии в природе и обществе, но говорит об истинных основах старшинства.

*Председатель оргкомитета,
проректор СФИ
Дмитрий Сергеевич Гасак*

**Оргкомитет:
Россия, Москва, 105062,
ул. Покровка, 29–38
Тел./факс 624-92-50; 623-03-80;
e-mail: sretenye@sfi.ru**

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 7 ЛЕТ

**ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ**

Учредитель: Межрегиональная общественная организация «Культурно-просветительский центр "Преображение"»

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29, стр. 1
Тел./факс: (495) 624-92-50

© МОО «Культурно-просветительский центр "Преображение"». Все права защищены
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор:
А.В. Колымагина
Зам. гл. редактора:
А.А. Буров

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru

Электронная версия газеты:
<http://gazetakifa.ru>

Над номером работали:
Анастасия Наконечная,
Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев,
Дмитрий Дорошко

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-38649 от 18 января 2010 г.

Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Ткацкая, д. 5
Тираж 1100. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 9 июня 2010 г.
Время подписания в печать:
по графику — 9.00, фактическое — 9.00
Дата выхода в свет 11 июня 2010 г.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине **predanie.org**; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей

Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), (499) 131-4769 (Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова), (499) 158-9116 (Валерия Волкова), (495) 342-6306 (Марина Чиркова); **Санкт-Петербург:** 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); **США, Канада:** 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Архангельск: 8-921-073-3276 (Надежда Макурина); **Воронеж:** 8-950-763-50-35 (Александр Терехов); **Северодвинск:** 8-921-299-7687 (Нина Портнова); **Тверь:** 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев); **Тула:** 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская); **Электросталь:** 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)